

СЕРГЕЙ МУРАВЬЕВ

Слышим ли мы Гераклита? Или так нам только кажется?

Хотя сей Логос налицо всегда, несмышленными люди рождаются / становятся / являются — и прежде, чем услышать, и услышав впервые...¹

Гераклит, фр. F 1 (B 1 DK, 1 Marcovich)

Entre ce que je pense, ce que je veux dire, ce que je crois dire, ce que je dis, ce que vous voulez entendre, ce que vous entendez, ce que vous croyez comprendre, ce que vous voulez comprendre et ce que vous comprenez, il y a au moins neuf possibilités de ne pas s'entendre².

Изречение неизвестного автору автора, вывешенное в приемной городской службы помощи нуждающимся жителям при мэрии г. Гайара (Gaillard), Франция

1. Хотя на темноту Гераклита Эфесского ссылались и ссылаются все кому не лень, начиная с Платона и Аристотеля в античности³, в мировой литературе еще очень мало работ, в которых бы природа и причины этой темноты рассматривались вплотную. А в российской мне известна только одна — «Античные начала философии» А. В. Ахутина⁴.

¹ Перевод (прозаический) — мой, отражающий двойную соотнесенность слова *aei* («всегда») и многозначность слова *ginontai*. См.: *Mouraviev S. Heraclitea. Vol. III. 3. B/i–iii. Fragmenta. Les textes pertinents, ad F 1. Sankt-Augustin, 2006.*

² «Между тем, что я думаю, тем, что я хочу сказать, тем, что я думаю, будто сказал, тем, что я сказал, тем, что вы хотите услышать, тем, что вы слышите, тем, что вы, по вашему мнению, поняли, тем, что вы хотели бы понять, и тем, что вы действительно поняли, — не менее девяти возможностей друг друга не понять».

³ См. полное собрание — около 50 текстов — дошедших античных свидетельств о ней в: *Mouraviev S. Heraclitea. Vol. III. 1. Sankt-Augustin, 2003. С. 71–85, тексты М 38–М 44.* Здесь и ниже «Heraclitea» обозначает наше продолжающее выходить многотомное издание: *Mouraviev S. N. Heraclitea. Édition critique complète des témoignages sur la vie et l'œuvre d'Héraclite d'Ephèse et des vestiges de son livre. Sankt-Augustin: Academia-Verlag, 1999–2008.*

⁴ *Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. С. 398–403, ср. 367–372.* Далее цитаты из этой книги — в тексте.

Но и она касается не только и не столько собственной гераклитовской речи, сколько, с одной стороны, его «мысли», как бы парящей над его (полуотсутствующим) текстом, а с другой — «вечной» проблемы взаимоотношения филологии и философии, противоречия между работой филолога-классика, занимающегося историей философии, историка философии, специализирующегося в античной философии, и философа, ищущего собрата и собеседника в творчестве предшественника, то есть «озадаченность» «той самой загадкой, которая конституирует философию в качестве философии, где бы и когда бы она ни возникла» (Ахутин, с. 400).

Мысль греческих мыслителей запечатлена в текстах, тексты написаны на древнегреческом языке, тексты эти критически исследованы и продолжают исследоваться учеными-филологами, истолкованы и перетолкованы историками и философами, но дело не только и даже не столько в необъятности необъятного, дело в *характере* работы. Чем усерднее я вчитывался в филологические труды, тем больше приходил в замешательство: узнаю я больше, понимаю меньше. Научаясь сопоставлять тексты, разбирать грамматику и входить в аутентичную семантику слов, различать, что раньше, что позже, что оригинал, что позднейший пересказ, — разучаюсь тому, чему, помнится, обучал меня Платон в самых приблизительных русских переводах: искусству думать философски (с. 10).

Таково «трагически беспомощное» положение, в котором оказался А. В. Ахутин, поставив перед собой задачу «философски понять [греческого. — С. М.] философа» (с. 12), и в первую голову — «темного» Гераклита.

Здесь, однако, речь пойдет не о собственной темноте Эфесца⁵, а о том, насколько мы «им», Гераклитом, располагаем, чтобы о нем говорить, писать, чтобы толковать его мнения, спорить с ним... И не только с ним, но и с его предшественниками, современниками и преемниками — другими досократиками.

2. Не мне (и не тут) рассматривать легитимность избранного А. В. Ахутиным пути — «читать Гераклита как философа», и не мне судить о том, насколько он удачно по сему пути следует. В отличие от него я не современный философ, я историк античной, причем самой архаической, философии. Но подобно ему, пришедшему в философию из химии (с. 7), и я пришел в нее со стороны, из лингвистики и, ища философию, наткнулся на филологию древнейших философских текстов, застрял в ней по уши и нахожусь и ныне там, так и не став философом. При-

⁵ Лингвистическим, стилистическим и риторическим аспектам этой темноты посвящена монография: Mouraviev S. Le langage de l'Obscur // Heraclitea. Vol. III. 3. A. Sankt-Augustin, 2002. Философские же импликации этой темноты еще ждут своих исследователей.

чем и ныне там я по тем именно причинам, по которым Анатолий Валерианович от филологии отказался, испытывая при этом «муки совести» (с. 14): из-за несусветной разноголосицы и неразберихи, которые там царят. И «муки совести» я тоже испытываю, но противоположного свойства: мыслимо ли нефилософу заниматься реконструкцией учения философа?

Не знаю, приложимо ли это к подходу, избранному Ахутиным, притом что и мой подход, как и его, был продиктован таким же желанием *понять* философа, но я не тешил себя мыслью, что смогу это сделать, выбрав «второй путь» — «спекулятивный» (с. 12). «Мысль греческих мыслителей запечатлена в текстах...», — правильно заметил он. То есть без текстов или при сильно испорченных (или недостоверных) текстах запечатленной мысли *нет* и взять ее неоткуда. Вот поэтому, будучи зачарован *слогом* его «изречений», я и захотел убедиться в достоверности (истинности) предлагаемых мне наукой текстов: пересказов, отрывков, цитат утраченного трактата Эфесского мыслителя. И именно с этого момента все пошло-поехало. Сопоставив между собой различные *переводы* его фрагментов, я убедился, что нет двух одинаковых пониманий одного и того же текста. Сопоставив различные издания греческих *оригиналов* его фрагментов, я убедился, что нет двух одинаковых собраний этих фрагментов как с точки зрения подбора и числа цитат, так и в отношении их чтения, то есть самих слов, из которых они составлены. Сопоставив различные *издания* источников, в которых эти цитаты были приведены и из которых они были извлечены, я убедился, что и в них огромное число разночтений: одно и то же слово в разных рукописях написано по-разному, и даже тогда, когда рукопись одна, далеко не каждое воспроизведенное в издании слово к ней восходит: когда филологу, готовящему издание древнего произведения, что-то непонятно, он пытается исправить рукописный текст так, чтобы стало понятно. Иногда он это делает вполне резонно, но бывает, что и совсем наоборот. Более того, если его издание — не первое, он часто заимствует исправления у своих предшественников, забывая порой указать, что данное чтение — не рукописное, а модерная конъектура, предложенная таким-то ученым.

Откроем, к примеру, ахутинское исследование на стр. 382. Мы прочтем там такой фрагмент: «*Не меня, а этот „логос“ выслушав... мудрое <...в том, чтобы... > сказать то же... что все есть одно*»⁶. Но в греческом оригинале единственной рукописи (Suppl. Græc 464) приписываемого Ипполиту Римскому «Опровержения всех ересей», найденной на Афоне в первой половине XIX в., впервые изданной в 1851 г. и хранящейся

⁶ Это фрагмент В 50 в издании Дильса-Кранца, 26 у Марковича (и Лебедева), F 50 в моем (*Μουραβίου Σ. Ηερακλίτεια*, В. III. 3. Sankt-Augustin, 2006). Я сознательно упростил перевод, стремящийся передать нюансы, ибо речь сейчас идет не о нюансах, а о существеннейшем.

ся в Парижской национальной библиотеке, на обороте л. 110, в стк. 10⁷, мы читаем не *logou* (род. пад. от *logos*), а *dogmatos* (род. пад. от *dogma* – «мнение», позже «учение», «догма, догмат»), и не *einai* – «есть», а *eidepai* – «знает»⁸. Буквальный перевод дает: «Не мне, но *мнению* внимаю, мудро согласиться, что одно (*или* единое) все *знает*». Чтения же *logou* и *einai* принадлежат: первое – Якобу Бернайсу [Bernays (1854) 242, 248–9], второе – первоиздателю Ипполита Эммануэлю Миллеру [Miller (1851) ad loc.], ни один из которых не удосужился проаргументировать свою поправку – очевидно, ввиду ее «очевидности». Ввиду той же очевидности большинство издателей и исследователей фрагментов принимают либо обе поправки, либо только первую и, ничтоже сумняшеся, забывают упомянуть их позднее происхождение и имена их авторов⁹. Тем не менее Ахутин толкует этот переименованный текст как «едва ли не средоточие гераклитовской мудрости во всей ее „темноте“» (с. 382 и слл.)¹⁰. Только обращение к источнику фрагмента может спасти от подобных казусов¹¹.

3. Но начнем-ка лучше с азов. Первая и самая в нашем случае несущественная проблема – вопрос о том, чем должен заниматься *историк философии*. Я подчеркиваю: не философ, а именно *историк философии*. (Они, конечно, могут быть в одном лице, но имеется в виду не человек, а вид деятельности.) Всякий историк исследует события прошлого и пытается установить какие-то *истины* о них. Историк философии изучает жизни и труды философов прошлого, собирает их произведения, исследует их идеи, толкует и поясняет их и стремится установить ряд «объективных» *исторических истин* относительно их содержания, взаимодействия, развития, значения и т. д. и т. п. Факты прошлого, каковыми в философии преимущественно являются мнения, идеи, понятия, теории, системы, интересуют его именно как факты, соответствующие *исторической*

⁷ Этот лист и три следующих факсимильно воспроизведены в: Mouraviev S. Heraclitea II. A. 2. Sankt-Augustin, 2000. P. 542–545.

⁸ А не наоборот. Ср.: Ахутин А. В. Там же. С. 383, прим. 2.

⁹ А когда упоминают, то бывает, что и путают их: так, в классическом издании Дильса-Кранца [Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin: Weidmann (1934, 1951). Ad fr.] чтение *logou* ошибочно приписано Теодору Бергку.

¹⁰ Справедливости ради уточню, что и я в некотором смысле принимаю первую поправку, но в результате весьма тщательного анализа всего контекста у цитатора, с включением в состав цитаты ряда опускаемых всеми издателями слов и идентификацией в ней лакуны, содержавшей таки слово *dogmatos*. См.: Mouraviev S. Heraclitea. Vol. III. 3. B/i. P. 126–129; Vol. III. 3. B/iii. P. 60–62, текст F 50.

¹¹ Мной этот источник издавался, переводился и комментировался троекратно: 1) по-русски: Муравьев С. Н. Ипполит цитирует Гераклита / Из истории античной культуры. М.: МГУ, 1976. С. 120–142; 2) по-французски: Mouraviev S. Hippolyte cite Héraclite / diplôme de l'EPHE, Paris, дипломная работа в École pratique des hautes études (неопубл.); 3) в составе: Mouraviev S. Heraclitea II. A. 2. Sankt-Augustin, 2000. P. 526–562 [текст и перевод], и Mouraviev S. Hippolyte – Héraclite – Noët // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. II / 36 / 6. S. 4375–4402 [комментарий].

истине, приуроченные к какому-то времени и месту. И хотя эти идеи, понятия, теории тоже в свое время претендовали на *философскую* истинность, историк как бы отстраняется от этого их измерения и судит о них, пользуясь, скорее, такими категориями, как происхождение, оригинальность, новизна, успех, влияние, воздействие, убедительность, стройность... Всякий же *философ* создает сам для себя свою новую истину, свой собственный набор понятий, бьется над своей «загадкой», а в философах прошлого ищет не предшественников, а предтеч, собратьев, собеседников, единомышленников, а то и достойных противников или мальчиков для битья. При этом он озабочен не столько исторической истинностью своего понимания их, своего представления о них, сколько тем «субъективным» откликом (или протестом), которые они в нем как в философе вызывают. Такое вот разделение труда.

Но в реальной жизни все гораздо сложнее и эти два вида деятельности сочетаются между собой самыми причудливыми образами. При этом историку, который изучал философию и мнит себя философом, кажется, что он вновь открывает забытые философские истины, а философу, поневоле искусенному в вопросах филологии (негоже ведь судить о философе тому, кто не способен читать его в оригинале хотя бы с помощью словаря), мнится, что только он способен восстановить историческую истину и понять, что именно утверждал тот или иной его древний собрат. Однако различие между философской истиной, прошлой или нынешней, и истинной исторической остается. И выразить это различие нетрудно с помощью двух-трех предложений. Приняв за аксиому, что, говоря об истине, мы имеем в виду достоверное отражение реального положения дел, т. е. знание, а не его искаженное отражение в уме того или иного ученого или мыслителя, мы признаём как непреложный факт, что, во-первых, историческая истина не может быть познана в отсутствие подтверждающих и приурочивающих ее к данному времени, месту и лицу исторических источников, в основном — текстов; во-вторых, что без исторической истины даже самая, казалось бы, несомненная философская истина не может стать фактом *истории*, претендовать на историчность; и, в-третьих, что исторически установленная философская «истина», исторически установленное существование когда-то данной философы может оказаться отнюдь не философской истиной, а, например, мифологемой, ложным выводом из верных посылок, логически корректным выводом из ложных посылок или попросту ходячим предрассудком... А также — увы, сплошь да рядом — незаконным продуктом филологической ошибки...¹²

¹² Примером такой ошибки, почти притчей во языцех, стал «пифагореец Парон», вычитанный Германном Дильсом из аристотелевского текста, где речь якобы шла о каком-то безымянном *присутствующем* (*parôn*) пифагорейце; см.: *Diels H., Kranz W.* Op. cit. S. 217; ср.: *Лебедев А. В.* Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М.: Наука, 1989. С. 274. «Почти», потому что ошибку, вероятно, следует приписать... Аристотелю, в контексте которого нет и намека на какое-либо собрание. Зато из Симпликия, комментировавшего это место, ясно, что речь идет о выступлении Симо-

Ясно, что любое смешение истины исторической (факта истории философии) с исторически достоверной философской истиной (факта истории философских открытий) и с истиной философской непреложной, «вневременной» или «вечной», весьма чревато вольными и невольными искажениями мысли (и текста!) изучаемого философа¹³.

4. Однако все только что сказанное приложимо — да и то со скрипом — к философам, *произведения*, то есть тексты, *которых до нас дошли в достаточно удобоваримом виде*, а первым таким философом был Платон, живший два столетия после первого из досократиков, Фалеса (род. ок. 640, ум. ок. 550). Дошедшие до нас произведения — связанные тексты, и даже самый посредственный перевод *сохраняет эту их связность*. А как же быть с философами, от которых не осталось ни слова? От Фалеса до нас не дошло ни одной строки (разве что употребление им прилагательного *homoios* — «подобный» — в несобственном ему значении *isos* — «равный»). От Анаксимандра дошла одна цитата (две строчки в косвенной речи) и, возможно, пара эпитетов и терминов; от Анаксимена — тоже одна цитата и несколько сравнений и выражений¹⁴. От Пифагора — сплошь сказки, легенды и поздние изложения (таково, во всяком случае, почти единодушное мнение специалистов¹⁵). Первые философы, от которых мы что-то имеем, — Ксенофан и Гераклит: от первого дошло около 125 стихотворных строк из разных произведений (ок. 900 слов в составе примерно 40 разрозненных фрагментов), от второго, по разным оценкам, от 125 до 200 разрозненных прозаических более или менее буквальных цитат, насчитывающих от 1500 до 2000 слов (почему такой разницей, станет ясно из последующего). Мыслимо ли в такой ситуации каким-то чудом знать не только то, что их волновало, что они думали

нида в Олимпии, описанном Эвдемом (фр. 90 Wehrli), на котором действительно выступил какой-то *присутствовавший* там анонимный пифагорец. Ошибка Дильса состояла в том, что он не посмел признать ошибку Аристотеля. Разумеется, если Аристотель ошибся. Ибо мог ошибиться и Симпликий и принять Парона за какого-то присутствовавшего анонима...

¹³ Я, естественно, отвлекаюсь от вопроса, существуют ли на самом деле непреложные, «вневременные» или «вечные» философские истины. Что касается Ахутина, то он ведет «системно-философский, а не историко-философский» разговор «о древнегреческой философии» (с. 9), т. е., по-видимому, разговор *не* об исторической истине (древних учениях), а об истине современной или вечной (только им устанавливаемой или только им обнаруживаемой в древних учениях) ... Но коль скоро она действительно присутствовала в этих учениях, она же и исторична. А если отсутствовала, зачем вообще ее с ними связывать? Или же они (древние учения) сами суть предмет философского рассмотрения? И *как* (в) неисторичность разговора о древнегреческой философии сочетается с желанием вести беседу с ее историческими создателями, слышать их «собственный голос» (с. 400)?

¹⁴ См. в собрании Дильса — Кранца (или в переводе Лебедева) тексты I1 A1 (23, 34), A2, A20, B1 — B3; 12 B1 — B5; 13 B1 — B3.

¹⁵ См., например: Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994. С. 8–10.

и чему они учили, но еще и самому учиться у них «думать философски», самому философски их «понять»?

Как ни покажется странным, *в какой-то мере все-таки мыслимо*. Ценой невероятных усилий и при соблюдении тщательно продуманной и проверенной на практике методики. Ведь помимо фрагментов сочинений философов, т. е. цитат из их трактатов, есть так называемые «доксографические» изложения и пересказы того, что они утверждали, их убеждений и мыслей. А сами фрагменты, когда они есть, доносят до нас не только и не столько какое-то содержание, сколько определенный стиль, подход, способ видения и мышления, некий (очень необычный для нас) модус облечения мысли в слова. И тут, как ни крути, одним философским чутьем (хотя оно и может быть полезным) не обойдешься.

Нужно, во-первых, располагать *всей* без исключения сохранившейся документацией, а ею до сих пор *никто не располагает*¹⁶. Нужно, во-вторых, навести в этой документации порядок, а этим *почти никто не занимается*: отделить цитаты от изложений и пересказов, разложить всю доксографию по полочкам — темам и подтемам — и попытаться реконструировать на ее основе общую картину. То же, причем еще тщательнее, нужно проделать с фрагментами: оценить их объем сравнительно с объемом недошедшего трактата и, если результат подсчетов обнадеживает, попытаться *реконструировать* (хоть какой-то) *единый текст*, а затем — из текста и доксографии — *максимально приближенное к этому тексту учение*. Необходимо, в-третьих, обозначить по возможности все невосполнимые утраты и учитывать в работе эти огромные потери. Все это сугубо филологическая работа, без которой ни на какой интуитивный диалог с философом рассчитывать не приходится — по очень простой причине: чтобы вести с философом диалог, необходимо его (философа) «иметь», а иметь его можно только через тексты (его и о нем), но чтобы эти тексты худо-бедно его представляли, нужно собрать их воедино и составить из всех них нечто максимально удобоваримое. И в этом и состоит первая и пока главная задача филологии античных *фрагментарных* философских текстов.

Насколько она на практике с этой задачей справляется — *совсем другой вопрос*¹⁷.

¹⁶ Так, в стандартном издании Дильса — Кранца [DK] приведено около 150 текстов о Фалесе, а в готовящемся сейчас в Германии полном издании источников о нем их собрано свыше *шестисот*; в том же DK Гераклит представлен примерно 110 «мнениями», 140 фрагментами и 6 подражаниями. В издании текстов о Гераклите М. Марковича мы найдем 720 эксцерптов, некоторые из которых дублируют друг друга или взяты из одного и того же контекста; 121 цитата в них признается фрагментами; доксография состоит из 4 единиц, представленных 43 текстами; наше же собрание всех источников о Гераклите вобрало в себя 1300 текстов, из которых мы извлекли около 200 фрагментов и 240 приписанных философу мнений.

¹⁷ Нельзя сказать, что в этом плане ничего не делается. Делается даже очень много. Но сумбурно, бессистемно, с опорой более на интуицию и на фантазию, чем на доскональное рассмотрение наличных текстов.

При всем своем трепете перед филологией Ахутин вынужден был от нее «отказаться», отступить перед ее пестротой, недоказательностью, царящими в ней повсюду вкусовщиной и модой и довериться чутью философа. И я его прекрасно понимаю, потому что *настоящей филологии досократовского наследия* до сих пор не было и нет¹⁸. Он жаждал общения с Гераклитом, но где взять настоящего Гераклита? Увы, единственный разумный способ достичь хоть какого-то общения с ним (если не прибегать к верчению столов и транссубстанциональному диалогу) — это забыть о философии и заняться филологией, т. е. *текстами философа* и *текстами о нем*, и заняться ею не как-нибудь, лишь бы оправдать заведение той или иной кафедрой в Оксфорде, Париже или Санкт-Петербурге и право печатать объемистые историко-философские исследования, монографии и учебники, а отложив всякий диалог и сосредоточившись исключительно на текстах, на их смысле, на их букве, на их «чертах и резах», их несуразностях и погрешностях.

Вот когда пропустишь эти тексты сквозь сито кодикологии, палеографии и грамматики, а затем критически, многократно и непредубежденно, сквозь самого себя; когда научишься отличать в них суть от более поздних наслоений, а в наслоениях отгадывать скрытую суть; когда привыкнешь доверять даже самому на первый взгляд совершенно неприемлемому сообщению и будешь упорно доискиваться его смысла и происхождения и сопоставлять его со всеми остальными; когда составишь себе представление о предшественниках философа, о существовавших в ту пору способах мышления и выражения, о его времени и месте — только тогда начнешь мало-помалу проникаться первоначальным смыслом сказанного и сам в этот смысл проникать...

5. А что происходит на самом деле, в реальной научной жизни? Джона-тан Барнз, автор большой весьма подробной монографии о досократиках (1979) и многих других ученых книг об Аристотеле, скептиках, стоиках, известный филолог и историк философии, большой любитель формальной логики, выпустил в 1987 г. в популярной серии *Penguin Classics* сборник избранных текстов досократиков в своем переводе. В предисловии, на двадцати пяти страницах, он попытался объяснить неискушенному читателю, кто были первые философы, в чем состояла «первая» философия и на основе каких свидетельств (*evidence*) историк философии восстанавливает их учения¹⁹. Первые две темы представлены хоть и не полно, но хорошо. А вот третья... Пояснив, что сочине-

¹⁸ Это, разумеется, максимально общее утверждение. По отдельным философам, источникам, вопросам за двести лет отдельными учеными проделана огромная работа и достигнуты блестящие результаты. Но, увы, они тонут в массе бездарных гелтертерских поделок, повторений, досуужих конструкций и высосанных из пальца инноваций.

¹⁹ *Barnes J.* Early Greek Philosophy. Harmondsworth: Penguin Books, 1987. P. 9–31.

ния всех писавших досократиков погибли и что мы знаем о них лишь из косвенных источников (некоторые из них Барнз называет и кратко характеризует: «Метафизика» и «Физика» Аристотеля, «История философии» псевдо-Галена, «Жизни и учения знаменитых философов» Диогена Лаэртция, уже упоминавшееся «Опровержение всех ересей» Ипполита Римского), он продолжает:

Эти истории – или «доксографии», как их обычно называют, – стали предметом тонкого научного анализа. Сами по себе они имеют ценность неопределенную. Они ведь были написаны спустя века после зарождения тех идей, о которых они летописуют, написаны людьми с иными интересами и иными воззрениями. Когда, например, епископ Ипполит приписывает какое-то мнение Гераклиту, *мы не должны ему верить*²⁰, не установив сначала двух важных вещей. Во-первых, из какого источника он почерпнул свою информацию? Ибо длинен и извилист путь, соединяющий Гераклита с Ипполитом, и надобно убедиться, что дошедшая по нему информация не была *заражена ложью* или *отравлена неточностью*. Во-вторых, каковы были собственные философские пристрастия Ипполита, с какой целью была написана его собственная книга? Ибо все это могло *предубедить его* – вольно или невольно – при написании его отчета. Аргументация по таким вопросам запутанна. Она редко приводит к беспорным выводам. (25)

Упомянув затем о существовании фрагментов – отрывков из собственных произведений философов, Барнз подчеркивает их значение и добавляет:

В некоторых случаях мы располагаем достаточным числом фрагментов, чтобы составить себе весьма определенное мнение об оригинале. Чем полнее набор фрагментов, *тем менее следует опираться на доксографический материал*. Но даже в самом благоприятном случае доксографии имеют значение: *они дают нам косвенную информацию там, где прямая отсутствует, и служат бесценными помощниками в интерпретации самих фрагментов*. (26)

Все выделенные мной пассажи кроме последнего – типичный пример *презумпции виновности источника*, предвзвешенности, с которым филологии еще предстоит бороться и бороться. И лишь последний пассаж, напротив, отдает должное доксографическим источникам и этим выгодно отличается от ряда высказываний, клонящихся в противоположную сторону. Как, например, следующее. Джоил Уилкокс²¹, автор монографии об эпистемологии Гераклита, поясняет, почему он пользовался изданием Марковича:

²⁰ Кроме специально оговоренных случаев, здесь и далее выделено мной.

²¹ Wilcox J. The Origins of Epistemology. A Study of Psyche and Logos in Heraclitus. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1994.

Это издание текста было избрано потому, что... [оно] рассматривает значительно большее число свидетельств, чем любое другое издание Гераклита, *но признает аутентичность значительно меньшего числа фрагментов, чем большинство других изданий...* Поскольку любая интерпретация неизбежно есть интерпретация *текста* [выделено автором. — С. М.], существенным условием адекватной интерпретации досократовской мысли является опора на тексты, *подлинность которых (почти) не вызывает сомнения.* (6–7)

Иными словами, необходимо отказаться от всего мало-мальски подозрительного и тем самым обезопасить свою трактовку от любой порчи. Если бы речь шла об откровенной несомненной лжи или фальсификации, такой подход был бы вполне уместным. Но речь идет совсем о другом — об исключении всего *небуквального* и хоть в чем-то *подозрительно-го*. Подобный перестраховочный подход отнюдь не нов. Вот, например, что давным-давно писал наш соотечественник А. Казанский в предисловии к своей весьма полезной монографии «Учение Аристотеля о значении опыта при познании» (Одесса, 1891):

Моей целью было... дать такое изложение, которое гарантировало бы... полную подлинность излагаемых учений, их действительно несомненную принадлежность самому Аристотелю. С этой точки зрения я прежде всего... старался брать мысли Аристотеля только из таких сочинений, которые уже заведомо подлинны... Таким образом, я совершенно не пользовался, например... трактатом «о движении животных», хотя в нем и заключался довольно интересный для меня материал... (VIII–IX)

Подлинность этого трактата сейчас общепризнана²², и наш исследователь лишил себя, как он сам признает, «довольно интересного» источника. Но одно дело — воспользуюсь аналогией — лишить себя одной вызывающей сомнения слабой картины художника, от которого сохранилось множество шедевров, и совсем иное — заранее, перед тем как реконструировать из обломков уникальную монументальную фреску, исключить все «подозрительные» куски, оставив только «несомненно подлинные» (представим себе музейную коробку, в которую собрали вместе и несомненные, и испорченные обломки и куда могли затесаться фрагменты иного происхождения).

6. Но вернемся к Джонатану Барнзу и его описанию трудностей анализа и оценки источников. Речь у него далее идет о Симпликии (нашем, заметьте, и самом позднем, и *самом богатом* античном осведомителе о досократиках) и об Анаксагоре, которого он цитирует. Упомянув о проблемах, связанных с различением буквальных цитат от небуквальных пересказов, Барнз продолжает:

²² См., например: *Torraca L. Sull'autenticità del De motu anim. di Aristotele // Maia 10, 1958.*

...Не всякая буквальная цитата таковой является... Когда Симпликий намеревается цитировать произведение, написанное тысячу лет до него, он *может ошибиться* (could be in error). Произведение, которое он цитирует, *может быть подделкой* (could be a forgery) ... *Могла произойти ошибка*: книга, из которой он цитирует, могла иметь неверную этикетку (may have been wrongly labelled) или быть принятой за другую (misidentified) ... [Он мог пользоваться] *поздним пересказом*, а не оригинальным произведением... Возможность такой ошибки необходимо иметь в виду.

Далее, допустим, цитата действительно взята у Анаксагора... Какими именно словами пользовался Анаксагор? Ибо *нет оснований считать, что слова, которыми пользуется Симпликий, должны точно воспроизводить слова, которыми пользовался Анаксагор*. Симпликий может цитировать по памяти — и *ошибиться* (misremembering), он может переписывать текст, лежащий у него перед глазами, — и *ошибиться* (miscopying) ... Более того... *нет гарантии, что использованный им текст достоверно отражает оригинал*. За тысячелетие, отделяющее Симпликия от досократиков, труды Анаксагора переписывались многократно. Точно так же, как мы читаем копии копий автографа Симпликия, так и Симпликий читал копии копий автографа Анаксагора. *Вероятность того, что Симпликий читал безупречный текст Анаксагора, равна нулю.* (28–29)

Все это так. Все эти *возможности* действительно *возможны*. И можно привести достаточно много достоверных примеров каждой из них (благодаря, в частности, существованию нескольких версий одного и того же источника, одной и той же цитаты).

И все же: всё так и всё не так! Особенно последняя фраза, насчет невозможности безупречного текста. Допустим, книга Анаксагора состояла из 3300 слов (такова примерно современная оценка длины трактата²³) и в ней было 100 серьезных искажений. Что из того? А то, что эти искажения касались 3% текста, трех слов из каждой сотни. Считать ли такой текст безупречным или нет? За исключением тех случаев, когда искажение касается *абсолютно ключевых слов* (как предполагаемая замена слова *logou* словом *dogmatos* у Ипполита), даже столь высокий процент ошибок не мог исказить *произведение в целом*: спасала связность, спасал контекст²⁴. Средняя продолжительность жизни *папируса*, согласно папирологам, — три века²⁵. Стало быть, Симпликий мог пользоваться текстом, переписанным всего три-четыре раза, ну, положим, десять раз, но никак не сто. Текст на *пергаменте* не стареет, он живет вечно и поги-

²³ См.: Sider D. The Fragments of Anaxagoras. Sankt Augustin: Academia-Verlag, 2005. 2nd ed. P. 12–15.

²⁴ Спасал, правда, Симпликия, но не нас. Если данная его цитата из Анаксагора искажена и единична и не имеет вариантов, а контекст ее нам неизвестен, тогда, увы, дела наши действительно плохи.

²⁵ Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford UP, 1968. P. 30 (с ссылкой на Галена, t. XVIII / 2, p. 630 Kühn).

бают лишь от огня, воды, скребка и паразитов. От Симпликия до «нас», т. е. до средневековых кодексов, которыми мы пользуемся, достаточно было одной-двух промежуточных копий, ну пяти, но никак не двадцати. Конечно, возможно и сто переписываний, но крайне маловероятно. А из этого следует, что даже в самых тяжелых случаях, коль скоро до нас дошел *связный* текст, пропорция в нем серьезных искажений невелика — если только не мерить ее на аршин своего (не) понимания!

Но главное «не так» даже не в этих подсчетах, дело в *предустановке на порчу, на искажение, на ошибку, на подделку*. Когда ищешь ошибки, находишь их повсюду. И, «исправляя» их, сам *искажаешь ценный источник*. Когда подозреваешь подлог, находишь для него «неопровержимые» подтверждения. И, устраняя его, дабы гарантировать «полную подлинность» своим выводам, *лишаешься ценного источника и ключа*. Отказывая в доверии доксографии, отвергая как неподлинны четверть фрагментов под разными весьма благовидными, а подчас и совершенно неотразимыми предлогами (непонятность, небуквальность, наличие поздней лексики и концептуальных анахронизмов, присутствие платонических, перипатетических, стоических, христианских, схоластических и других тому подобных «реминисценций»), не беря на себя труд устранить в первую очередь свои собственные не (до) понимание, предубежденность и заблуждения, *выбиваешь всякую почву у себя из-под ног*. Ибо источники суть та земля, та почва, на которой стоит филология античной философии, та вода, в которой она плавает, тот воздух, которым она дышит и без которых она не может жить и плодоносить. К сожалению, наряду с бесспорными достижениями по части сбора, обработки и издания античных источников, по установлению множества исторических фактов, созданию циклопических справочников и энциклопедий и т. д. и т. п., за двести лет своего существования классическая филология и особенно ее историко-философский раздел, изучающий остатки не дошедших до нас в оригинале философских трудов, наплодили столько подозрений, обнаружили столько возможных искажений, ошибок и подлогов, породили столько ненужных конъектур и исправлений, несуразных теорий о неспособности наших информаторов понять мысли своих предшественников, произнесли с амвона науки столько анафем, что воистину превратили и землю, и воду, и воздух из стихий, их питающих, в стихии, их и всякую научность удушающие. Речь идет буквально о загрязнении филологией собственной своей окружающей среды.

Но дело даже не только и не столько в загрязнении этой среды, сколько в разрушении ее, в уничтожении ее целостности, ее связности — самого главного, после текстов, критерия истинности получаемых результатов. Представим себе эту среду в виде той же кучи обломков разрушенной фрески. Часть обломков пропала, но зато они все аутентичны. Если обломков достаточно много, можно из них реконструировать пусть не целое, но хотя бы крупные части целого: любое несоответствие должно толковаться не как признак неаутентичности, а как

неудачная локализация (ошибочная интерпретация...). Ибо историческая истина (если иметь в виду составляющие ее объективные факты, а не какие бы то ни было толкования) есть *предельно непротиворечивое целое*²⁶. Если мы исключим все подозрительные (непонятные) обломки, то лишимся еще не одной части целого. Если мы к тому же будем «исправлять» (переиначивать) непонятные обломки, мы внесем в целое искажающий шум и лишимся единственного критерия, позволяющего нам отличить истинное от ложного...

Допустим, наше целое состоит из фактов *d b ж e q a c*: если факты *a b c d e* между собой согласны и связны, то затесавшийся промеж них факт *q* хоть и «истинен», но явно неуместен (алфавит — тот же, но место его не здесь), а факт *ж* — «ложен» (принадлежит к другому алфавиту и ему здесь нечего делать). Предположим, мы «выбросили» факты *d b c* по причине их «подозрительности»: что мы можем сказать об оставшихся *a ж q e*? Ничего. Мы не способны даже определить, к какому алфавиту принадлежат первый и последний. Допустим, мы не выбросили факты *d b c*, а «исправили» их на *a h e*: от нашего целого не осталось ничего.

Вот почему со времен Эдуарда Целлера (чей до сих пор основополагающий труд вышел в середине XIX в.) и Германна Дильса (2-я половина того же столетия — начало XX в.) история античной и, в частности, досократовской философии фактически топчется на месте, перепевает старые песни, ходит по кругу, бесконечно решает одни и те же проблемы, стала ареной борьбы между школами и авторитетами, в которой преобладают не поиск, не тщательный разбор источников, не сопоставление и синтез фактов, а мода, вкусы, пристрастия, соперничество, а то и просто желание спокойно из абитуриента превратиться в маститого профессора и публиковать мало к чему обязывающие, вполне научные ученые труды, опирающиеся на тщательно отобранный, просеянный сквозь сито «критики» материал, из которого удалено все мешающее и в котором весь упор сделан на стиле изложения, на следовании за тем или иным авторитетным предшественником и изредка на защите какой-то новой, то есть хорошо забытой старой, зачастую хорошей, но гипертрофированной идеи вроде преобладания устности (*orality*) над письменностью (*Havelock*) в постгомеровскую доплатоновскую эпоху или мистики над физикой (*Kingsley*) у ранних греческих философов...

7. Приведу четыре примера — а мог бы привести их сотню — того, каким абсурдом порой оборачивается методологическая девственность и систематическая предубежденность в филологии гераклитовского наследия. Один пример коснется буквы его текста, второй — стиля, кото-

²⁶ Ср. у Монтеня: «Если бы, как у истины, у лжи было лишь одно лицо, мы бы с ней лучше поладили... Но у оборотной стороны истины сто тысяч форм и неопределенное поле деятельности... Тысячи путей ведут прочь от света, лишь один — туда» (*Montaigne M. Essais. Livre I. Chapitre 9 «Les menteurs»*).

рым написана его книга, третий и четвертый — одного из основных элементов его космологии.

Есть у Гераклита чрезвычайно любопытный фрагмент о душе, В 118 по Дильсу — Кранцу, 68 по Марковичу (и Лебедеву), F 118 по *Heraclit-ea*. У Дильса — Кранца приведено два варианта текста: «*augê xêrê psykhê sophôtatê kai aristê* oder vielmehr („или скорее“) *aiê psykhê sophôtatê kai aristê*». В дословном переводе первый звучит: «Луч сухой (или сухая) душа мудрейшая и наилучшая», второй — «Сухая душа мудрейшая и наилучшая». Так называемый глагол-связка отсутствует и его можно мысленно вставить либо после второго слова, либо после первого. На заре гераклитоведения оба варианта считались двумя разными фрагментами (Шлейермахер, Лассаль, Муллах, ср. Шустер, Байуотер), затем их объединил Дильс, но так и не решил, на каком остановиться: то ли на первом (1901, 1903), то ли на втором (1909, 1912, 1922), в результате чего Кранц поместил оба варианта. Тем не менее второй пользовался явным предпочтением, ибо из него можно было извлечь первый путем вставки «пояснительной глоссы» *xêrê* (сухая) после редкого *aiê* (сухая) и «исправления» ставшего «лишним» последнего; такой выбор имел еще то преимущество, что избавлял от неприятной необходимости найти объяснение слову «луч». Все было бы хорошо, если бы из издания Марковича (1967) не стало совершенно ясно (хотя известно это было почти с самого начала), что второй вариант есть плод творчества гуманиста XVI в. Витторио Тринкавелли и налицо только в одном, им же собственноручно «исправленном» месте у Стобея (и в первом, тем же Тринкавелли подготовленном, издании Стобея), причем только в одной из трех дошедших до нас рукописей, в то время как первый засвидетельствован прямо или косвенно во всех рукописях Мусония, Стобея, Филона, Плутарха (в трех местах), Климента, Галена, Гермия, Синезия и Порфирия, причем дважды (у Галена и Порфирия) слово «луч» обыгрывается в контексте цитирующего фрагмент автора. Однако самое поразительное не это, а то, что сам приводящий все эти источники Маркович (1967, 1978, 2001) продолжал вслед за последним издателем этой книги Стобея Отто Хензе (1894), Кэрком (1957), и множеством других филологов считать правильным второй вариант — выдуманный Тринкавелли!²⁷ Такова сила традиции и преклонения перед авторитетом предшественников.

²⁷ См.: *Marcovich M.* Heraclitus. Editio Maior, Mérida. Sankt Augustin: Los Andes University Press // Academia-Verlag, 1967, 2001. P. 371–376 (тексты); P. 377 (коммент.); 1978. P. 259–264; русский перевод текстов см.: *Лебедев А. В.* Там же. С. 231–233 (где *augê xêrê* единообразно переведено как «сухой свет»). См.: *Schleiermacher F.* Heraklit der Dunkle von Ephesos // *Museum der Altertums-wissenschaft* 1, 1808. S. 313–533, fr. 60–63; *Lassalle F.* Die Philosophie Herakleitos des Dunklen von Ephesos. Bd. I. Berlin, Duncker, 1858. S. 193–198; *Mullach F. G. A.* Fragmenta philosophorum graecorum, I, Poeseos philosophicae. Parisiis: Didot, 1860. P. 315–329, fr. 71–74; *Schuster P.* Heraklit von Ephesus // *Acta Societatis philologiae Lipsiensis*. 3. 1873. S. 1–397, fr. 54–55, *Bywater I.* Heracliti Ephesii reliquiae. Oxford: Clarendon, 1877. Fr. 74–76; *Hense O.* Ioannis Stobaei Anthologii libri

Гераклит знаменит не в малой степени и благодаря своему замечательному «афористическому» стилю. И вот уже более века на этом основании филологи отказывают ему в авторстве связного текста, а то и вовсе в написании приписываемого ему всеми древними источниками сочинения. Последняя точка зрения, принадлежащая Джеффри Кэрку, к счастью, не имела успеха. Такой подход, тем не менее, не лишен преимуществ: каждый фрагмент можно рассматривать как вещь в себе, не подыскивая ему контекста или, напротив, помещая его во всевозможные контексты; посвященной ему доксографией, которая рисует нам целую сложную систему гераклитовских взглядов о мире и о душе, можно пренебречь, как выдуманной Теофрастом и его последователями и как результатом проекции на Гераклита более поздних стоических представлений. Притом что сами-то стоики ссылались на Гераклита.

Одно из любимых занятий филологов, пишущих о Гераклите, — отрицание реального существования той или иной приписывавшейся ему древними теории. В XX в. главными жертвами этих атак были теория всеобщего течения (или потока) и связанные с ней фрагменты о реке: F 49A, F 91, вторая половина фр. F 12. Главными их опровергателями были Карл Райнхардт и тот же Джеффри Кэрк. Сейчас маятник качнулся в противоположную сторону. Куда более пострадала от филологического скепсиса другая Гераклитова теория, учение о всемирном пожаре, подвергшаяся цензуре самого Шлейермахера (1808) и до сих пор не реабилитированная, несмотря на похвальные усилия Арие Финкельберга и вашего покорного слуги²⁸. Ситуация тут такая. До нас дошла дюжина мнений Гераклита (некоторые из которых опираются на несколько источников сразу), посвященных мировому пожару или предполагающих его (D 29, D 30, D 41, D 52, D 53, D 56, D 129; ср. D 13, D 18, D 31, D 33, D 38, D 39)²⁹, и только одно (причем литературное!) свидетельство, высказывающее сомнение на сей счет (D 34). Из фрагментов по крайней мере четыре (F 30, F 31, F 64–65, F 66) имеют к нему прямое отношение и ни один его не опровергает. Жаждающих подробностей отсылаю к работам, упомянутым в примечании. Примерно так же обстоит с Гераклитовой теорией мировой души, с его теорией познания через

duo posteriores. Vol. I [III]. Berlin, Weidmann, 1894. P. 257; *Diels H.* Herakleitos von Ephesos. Berlin, Weidmann, 1901. Ad fr. B 118; *Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin: Weidmann, (1903, 1906, 1909, 1912, 1922). Ad fr. B 118; *Diels H., Kranz W.* Op. cit. (1934, 1951). Ad fr. B 118; *Kirk G. S., Raven J. E.* The Presocratic Philosophers. Cambridge UP, 1957. P. 205; *Marcovich M.* Heraclitus. Editio Maior. P. 377; *Marcovich M.* Heraclito. Frammenti. Firenze: Nuova Italia, 1978. P. 264.

²⁸ *Finkelberg A.* On cosmogony and ecpyrosis in Heraclitus // *American Journal of Philology*. 119. 1998. P. 195–222; *Mouraviev S.* Doctrinalia Heraclitea I–II // *Phronesis*. 53. P. 315–358; *Mouraviev S.* Doctrinalia Heraclitea III // *Revue de philosophie ancienne*. 26. P. 40–77.

²⁹ Приведенные номера с буквой D (doxa) отсылают к моему собранию мнений Гераклита. См.: *Mouraviev S.* Heraclitea. Vol. III. 2. Placita. Thèses et doctrines. Sankt-Augustin, 2008.

общение с этой душой через органы чувств и дыхания и со многими другими частями его учения, которые попросту игнорируются³⁰.

Приведу еще более интересный пример искажающего воздействия установки на подозрение и вытекающих из нее ложных представлений на восприятие источников даже у самых глубоких и добросовестных исследователей досократовской философии, каковым я считаю, например, Дениса О'Брайена. Одно из главных свидетельств в пользу существования у Гераклита учения о мировом пожаре — следующий пассаж в аристотелевском трактате «О небе» (А 10, 279b12):

Все утверждают, что небо [= вселенная] возникло, но при этом одни — что оно возникло вечным, другие — уничтожимым... а третьи — что оно попеременно находится то в одном, то в другом состоянии, [периодически] уничтожаясь, и что это продолжается вечно, как утверждают Эмпедокл из Акраганта и Гераклит из Эфеса. (*Перевод А. В. Лебедева [1989b], с. 217–8.*)

Этому свидетельству давно принято противопоставлять следующее место из «Софиста» Платона (242de):

Но некие ионийские и сицилийские Музы впоследствии сообразили, что безопаснее всего сочетать то и другое, т. е. утверждать, что сущее едино и множественно, но сопряжено враждой и дружбой. «Расходящееся всегда сходится», — говорят более строгие Музы [Гераклит], а более податливые [Эмпедокл] смягчили смысл слова «всегда» и говорят, что, мол, дело обстоит не так и что вселенная попеременно то едина и связана дружбой благодаря Афродите, то множественна и сама себе враждебна в силу некой Ненависти. (*Перевод А. В. Лебедева [1989b], с. 199–200, с изменениями.*)

Платон, мол, утверждает, что схождение и расхождение (понимай: превращение многого в единое и единого во многое) у Гераклита происходит всегда, т. е. постоянно, а у Эмпедокла — попеременно. Аристотель же ему противоречит, заявляя, что как Эмпедокл, так и Гераклит заявляли, будто небо, т. е. упорядоченный мир, поочередно то возникает (переходит из единого во многое), то уничтожается (переходит из многого в единое). Такое противоречие между гениальным учителем и не менее гениальным учеником требовало объяснения. Не довольствуясь стандартной ссылкой на ошибку Аристотеля, вызванную Гераклитовым учением о «великом годе» (Властос, Кэрк) или собственным аристотелевским стереотипом о первоначале первых философов (*из чего все возникает, в то самое оно и разрешается*) (Маркович)³¹, О'Брайен задал

³⁰ Уцелели (пока?) единство противоположностей, критика предшественников, критика народной религиозной практики, этические и политические высказывания...

³¹ *Vlastos G. Review of Kirk G. S. Heraclitus' // American Journal of Philology. 1955. 76. P. 311; Kirk G. S. Heraclitus. Cambridge University Press, (1954, 21962). P. 324, n. 1; Marcovich M. Heraclitus. Mérida, 1967. P. 272.*

ся целью в трех статьях³² найти более убедительное объяснение. Здесь не место пересказывать весьма остроумный и во многом интересный и поучительный результат этой работы. Достаточно будет отметить, что О'Брайен не стал бы за нее браться, не будь он убежден: *а*) в отсутствии у Гераклита какого-либо учения о мировом пожаре; *б*) в реальности указанного противоречия. Сам не будучи специалистом по Гераклиту (но будучи зато специалистом с мировым именем по Эмпедоклу и Платону), он унаследовал оба убеждения от своих учителей-гераклитоведов. Ему и в голову не пришло, что отказавшись от убеждения *а*, он смог бы устранить и противоречие *б*. Действительно, из того, что теория мирового пожара предполагает попеременное воспламенение (уничтожение) упорядоченного мира и его последующее возрождение «из пепла», еще не следует, что превращение единого во многое и превращение многого в единое происходят по очереди (сначала под воздействием Розни, а потом — Гармонии), а не одновременно. Оба превращения, как все мы наблюдаем, происходят одновременно. Попеременно же происходит *возобладание* одного процесса над другим. Единое превращается во многое и *разное* под действием *Розни*. Однако *Розни* с самого начала противостоит *Гармония*, возвращающая все больше и больше *разных* в лоно Единого. Когда *Рознь* ослабевает и *Гармония* начинает брать верх, начинается процесс *объединения* многого, что в конце концов и приводит к воспламенению. Итак, правы оба — и учитель, и ученик! И нет смысла искать причину несуществующего противоречия.

Трудно себе представить, сколько сил, энергии, нервов приходится тратить одним филологам, чтобы разгрести завалы никому не нужных подозрений, опровержений, исправлений, конъектур, нагроможденные другими филологами!

8. И тут встает во весь рост «классический» вопрос: что делать? Встает он, естественно, перед теми филологами, которых такое положение не устраивает. Встает он, и еще острее, перед философами, которым хотелось бы таки добраться хотя бы до заслуживающего доверия текста, не говоря уж о его сути, а не довольствоваться той жвачкой, которую им преподносит филология...

Начну с филологов, к каковым себя причисляю, и с того, как не один уже десяток лет пытаюсь ответить на этот вопрос. Более двадцати лет тому назад (1988) я имел наглость объявить во всеуслышание о необходимости собрать и издать все доставшиеся нам источники о Гераклите³³.

³² O'Brien D. Heraclitus on the unity of opposites // *Ionian Philosophy*. Athens, Int. Assoc. for Greek Philosophy, 1989 (1990, 1991). P. 298–303.

³³ Mouraviev S. Comment interpréter Héraclite. Vers une méthodologie scientifique des études héraclitéennes // *Ionian Philosophy*, Athens, Intern. Association for Greek Philosophy, 1989. P. 278.

Тогда это был глас вопиющего в пустыне. Однако между 1999 и 2003 гг. львиную долю этих источников худо-бедно удалось издать (*Heraclitea. Traditio*, в 4 томах); их набралось 1300 и обнаруживаются все новые³⁴. Все тексты — по новейшим изданиям, с французским переводом и критическим аппаратом. Не прошло и пяти лет, как немецкое издательство de Gruyter выпускает в 2009 г. подобное же собрание, хотя и без критического аппарата, — полное издание источников о Фалесе³⁵ и сообщает о дальнейшем выходе таких же полных сводов источников о других досократиках³⁶. Лед тронулся...

Но сбор и издание источников еще только полдела, даже четверть дела, в работе филолога. Из источников необходимо вычленишь: а) свидетельства о жизни, деятельности и творчестве философа; б) свидетельства о его учении (доксографию); в) цитаты из его недошедших сочинений. Применительно к Гераклиту эту работу тоже удалось выполнить хотя бы вчера. Свидетельства о жизни и смерти, иконографии и книге (*Memoria*) вышли в 2003 г. и состоят из 310 текстовых и изобразительных единиц (против не более десятка в ДК и основанных на ДК изданиях). Свидетельства об учении (*Placita*) появились в 2008 г., это около 250 гнезд, посвященных каждое одному «мнению» и объединяющих примерно 900 извлечений из древних свидетельств (против примерно 110 «мнений», отраженных у ДК и в издании Мондольфо-Тарана). Фрагменты (*Fragmenta*, в 3 томах) были изданы в 2006 г. и включают, помимо 152 фрагментов, приведенных у ДК, еще 54 фрагмента, идентифицированных как другими исследователями, так и нами. Все фрагменты изданы с переводами на три языка (включая русский) и с подробнейшими аппаратами³⁷. Во всех этих разделах никакого систематического противопоставления источников друг другу по признаку аутентичности, сомнительности, испорченности, неподлинности принципиально не проводилось, ибо речь шла о том, чтобы предоставить читателю максимально *беспристрастную* и в принципе изначально *благожелательную* информацию обо всех имеющихся источниках.

Издание всех этих текстов уже действительно половина дела, — правда, все же самая легкая половина. Ибо, во-первых, даже источники далеко не все опубликованы: помимо невольных упущений (из коих уже девяносто выявлены) остается неизданным весь огромный блок несомненных или возможных *намеков* на учение и *подражаний* стилю Гераклита, а их наберется не меньше, чем свидетельств именных. Ибо, во-вторых, источники, даже освобожденные от всего наносного, — еще не учение, а лишь кирпичики, из которых и на основании которых можно надеяться реконструировать учение.

³⁴ Mouraviev S. Heraclitea. Vol. II. A. 1–4.

³⁵ Die Milesier: Thales // Hg. v. G. Wöhrle. Berlin: de Gruyter, 2009.

³⁶ См.: www.degruyter.de (искать Traditio Praesocratica).

³⁷ Mouraviev S. Heraclitea. Vol. III. 3. A, III. 1, III. 3. B/i–iii, III. 2.

Опубликованные тома *Heraclitea* избавляют меня от необходимости подробно останавливаться на проблемах и трудностях этой накопительной части работы. Пусть о ней судят коллеги-филологи, пусть о ней судит читатель-пользователь. Никто лучше меня не представляет себе их несовершенства и изъянов. Но ничего лучше — кроме отдельных исправлений и дополнений — я пока предложить не могу. Зато следует кое-что сказать о предстоящей работе по восстановлению учения и/или книги Гераклита.

9. Сорок лет работы над наследием Гераклита (разумеется, с перерывами) не прошли даром: собрано, переведено и опубликовано как минимум 90% всех дошедших до нас античных и средневековых источников; прослежено в общих чертах его «предание»; разработана, использована и опубликована методика анализа поэтики фрагментов его книги; впервые собраны, изданы, переведены, опубликованы и прокомментированы все свидетельства о жизни и книге философа, вся его доступная иконография, вся его доксография; подготовлено и опубликовано самое полное на сей день трехтомное издание его фрагментов; опубликовано три состояния реконструкции книги...

Но где же реконструкция и анализ *учения* философа Гераклита Эфесского?

Подобно горизонту реконструкция и анализ *учения* философа Гераклита отступали от нас по мере приближения к ним. И это не случайно: так было задумано. Точнее говоря, когда стало ясно, что упомянутых выше завалов одному человеку за одну человеческую жизнь не разгрести (конкретнее — что всего написанного о философе с 1808 по 2008 г. не достать, не прочитать и, главное, не переварить); когда стало очевидно, что три четверти этих завалов — бесполезны и бессодержательны (ибо бессмысленно повторяют, перепевают и переиначивают уже давно сказанное, спетое и переиначенное), а иногда и вредны, ибо засоряют мозги надуманными проблемами, взятыми с потолка построениями, пустопорожними гипотезами и всевозможными подозрениями и обвинениями в недостоверности, искажении, тупости, глупости, непонимании, фальсификации и обмане в адрес источников, — было принято решение сосредоточить внимание на *древних текстах*, серьезно внимать только им и лишь рассеянно слушать пение сирен современной учености (правда, беря все стоящее на заметку).

Короче говоря, я до поры до времени *сознательно* воздерживался от окончательных суждений относительно Гераклитова учения и мнений о нем, высказываемых другими исследователями. При этом я столь же сознательно относился *с предубеждением* ко всякой *презумпции виновности* античных авторов и брал на вооружение противоположную *презумпцию добросовестности*. Я это делал не из духа противоречия, а просто чтобы не лишиться потенциально ценных источников информации.

И я внимательно вслушивался в то, на что вольно или невольно мне намекали тексты...

В этом году воздержанию настал конец. Причина: все несомненно релевантные тексты — как источники, так и их гераклитовская суть (мнения, фрагменты) — собраны и в первом приближении прочитаны, а потенциально релевантные смогут быть надежно опознаны и оценены лишь в свете учения. И потому я *сознательно* приступил к реконструкции учения. Первые три статьи на эту тему уже написаны и вышли в свет или вот-вот появятся.

Вопрос «Что делать?», однако, распадается на три подвопроса: не только «Что предполагаю делать дальше я лично?» но и «Что делать всему сообществу филологов?» и, наконец, «Что делать философам, к этому сообществу не принадлежащим?».

10. Первый подвопрос решается просто. Я использую весь собранный материал, а также все ценные, но разрозненные идеи, накопленные наукой за два столетия, чтобы, с одной стороны, завершить начатую еще в 1968 г. реконструкцию (из фрагментов и всего, что к ним приближается) книги Гераклита, т. е. его *текста*, а с другой — начинаю и веду параллельно реконструкцию (из *смысла* фрагментов и его небуквально переданных мнений) учения Гераклита, т. е. его *мысли*. То есть, во-первых, я продолжаю работу, начатую сорок лет тому назад, которой никто до того серьезно не занимался, а во-вторых, только сейчас приступаю к тому занятию, с которого почти все филологи начинают работу прямо с университетской скамьи. Только теперь, наконец, я считаю себя вправе использовать все доступные мне средства без страха проглядеть, исказить, незаслуженно отвергнуть ценные источники. Если бы я разрешил себе это ранее, то неизбежно и многократно впадал бы в самую распространенную логическую ошибку филологов *petitio principii* (англ. *begging the question*) — порочный круг в определении (ничего, кстати, не имеющий общего с герменевтическим кругом, за который его часто выдают).

И тут на первое место выходят три соображения. Соображение первое: обе реконструкции должны быть и внутренне, и взаимно непротиворечивы и слиться в единый *смыслотекст*, максимально приближающийся к утраченному оригиналу. Соображение второе: как и во всей предварительной филологической работе, каждый из компонентов, включая его локализацию в реконструкции, должен быть тщательно аргументирован, а использованная аргументация — проверена на внутреннюю последовательность и непротиворечивость. Соображение третье: реконструированный смыслотекст должен вобрать в себя всю наличную документацию, кроме заведомо ложной или ошибочной (ошибочность и ложность тоже должны быть тщательно аргументированы).

Дело в том, что в отсутствие новых источников — полного текста книги, новонайденных фрагментов и мнений, обнаружения неучтенных

косвенных данных — цельность исходной аксиоматики, качество и полнота исходных данных, непротиворечивость выводов и безупречность аргументационных цепочек являются, как в математике, *единственными критериями оценки качества результата*. Хотелось бы вместо слова «качество» употребить слово «истинность», но совесть не позволяет: слишком много остается лакун и белых пятен, чтобы можно было говорить об истинности. Но и качество предполагает хотя и не стопроцентную достоверность, но все же достаточно значительное приближение к ней, достаточно высокую вероятность истинности. (Разумеется, речь идет об истинности и достоверности реконструированного исторического факта, а не о философской истине.) При обнаружении же ошибок в принципе отнюдь не исключается необходимость пересмотреть всю реконструкцию, или отдельные ее аксиомы, или определенные логические ходы, или те или иные исходные данные. А потому любая критика предлагаемых решений ценна именно своим анализом использованной аргументации и своей контраргументацией, своими контрвыводами относительно ее последствий для реконструкции в целом. Ограничиваться «аргументами» типа *это неубедительно*, или *это маловероятно*, или *это невозможно* — даже с ссылками на *opinio communis* и мнение крупных специалистов, но без уточнения, *почему*, — вольность, которую можно было себе позволить в XIX в., которой еще можно было щеголять в первой половине XX в., но которая абсолютно неприемлема в XXI в.

И еще два замечания. Все вышесказанное касается фактически лишь филологической *реставрации объекта* истории философии. До собственно историко-философской оценки этого объекта, не говоря уж о философском диалоге с ним, еще очень далеко. Это первое. Но при этом, однако, необходимо заранее, еще в процессе реставрации, учитывать историко-философский *контекст* — мнения предшественников (теологов, астрологов, орфиков, милетцев, пифагорейцев, Ксенофана и др.) и последователей (досократиков от Парменида и дальше, Сократа и сократиков, Платона, Аристотеля, стоиков и т. д.) в плане предвосхищения или заимствования ими элементов учения Эфесца. Это второе. Поскольку с другими досократиками дело обстоит не намного лучше, чем с Гераклитом, между замечаниями первым и вторым возникает кричащее противоречие. Но поскольку подходить к другим мыслителям с теми же критериями, что и к Гераклиту, уже нет никакой возможности (*ars longa, vita brevis*), то с историко-философским контекстом приходится обращаться осторожно: помнить о первородном грехе филологии — подозрительности, но воздерживаться от всяких опрометчивых, т. е. неаргументированных, суждений.

11. Второй подвопрос. Что делать филологам? Не мне им указывать. Я разрабатываю методологию, и поскольку сам ее применяю, то чтобы быть понятным, обязан ее изложить. Применяю я ее, естественно, как в конструктивной, так и в деструктивной работе, критикуя мне

ния, с которыми не согласен, и тщательно поясняя, почему. Естественно, критикуемым это не нравится. Навязывать свои мнения я никому не намерен. Но необходим диалог, необходимы дискуссии, необходима борьба мнений, необходимы аргументы и контраргументы. А потому я буду крайне благодарен всем — как согласным со мной, так тем более и несогласным — *за любую серьезную, пристрастную, разносную, свирепейшую критику моих книг и статей*. Без критики трудно дышать, двигаться дальше, от бессодержательности даже самых хвалебных рецензий тоже порой становится тошно...

12. И, наконец, третий и последний подвопрос: а как же быть философам?

Контрвопрос: а что им, собственно, от Гераклита нужно? Какую истину — историческую, философскую или промежуточную философско-историческую — хотели бы они от него (о нем) услышать?

Прежние философы такими вопросами не задавались. После Петрарки и Фичино какой-то спорадический интерес к Гераклиту еле теплился, но не в Италии, а в Германии, но и угас задолго до Гегеля. Канту Гераклит был глубоко неизвестен или безразличен, равно как и всем его предшественникам картезианцам и посткартезианцам, французам, англичанам и немцам. Возродили интерес к нему философ Гегель, объявивший его своим античным предшественником, и богослов и философ Шлейермахер, автор первой серьезной филологической о нем работы. Далее философское восприятие Гераклита переключалось к поэтам — Гете, Гелдерлину... Занимались им, правда, и плохие философы вроде гегельянца Лассалья (зато хорошего для своего времени филолога: им собрана львиная доля известных нам важных гераклитовских источников), и плохие как филологи, так и философы, вроде эмпириста Шустера. Одновременно взялись за него неплохие, а то и просто замечательные пионеры историко-философской гильдии: Бернайс, Целлер, Дильс (я опускаю посредственных полуфилософов-полуфилологов типа Гладиша и Пфлайдерера) ... Позже появляются Гераклиты Ницше и Хайдеггера (а также Хайдеггера — Финка), но уже как некие философские надстройки над результатами работ филологов. Гераклит заметно присутствует и в трактате Витгенштейна. Начиная с них, водораздел между философией и филологией становится четким. Причем лидирует филология, а философия идет на поводу. Ницшеанский Гераклит слишком тощ, чтобы иметь какой-либо вес, а сам Ницше, филолог по образованию, более влиял на филологов, например на Дильса, чем на самоё филологию. Хайдеггер, напротив, сам — данник Дильса и никогда не выходил за пределы его текста. Под его влиянием в Америке сформировалась целая школа, или секта, хайдеггерианского гераклитоведения, но в плане историко-философском она оказалась практически бесплодной³⁸.

³⁸ Sallis J., Maly K. Heraclitean Fragments, A Companion Volume to the Heidegger / Fink

Хайдеггер, однако (вкуче с событиями 1968 г.), повлиял на странный образ Гераклита, созданный философствующими филологами Боллаком и Висманном. Еще до того глашатай открытого общества Карл Поппер создал свой образ Гераклита, а позже вступил в полемику о нем и досократиках с филологом Кэрком; во Франции же Гераклиту посвятил книгу неортодоксальный марксист Костас Акселос, а неогегельянец Кожев (Кожевников) включил его в свою усовершенствованную по сравнению с гегелевской диалектическую историю древней философии. Несколько особняком стоит Гераклит индийского религиозного мыслителя Аурубиндо Гхоша. Позже к Гераклиту обратился не чуждый классической филологии независимый философ и мыслитель Марсель Конш. В Италии один из двух составителей немецкого ПСС Ницше Джорджо Колли опубликовал первые три тома запланированного им издания «Греческой мудрости»; увы, третий том — новое издание Гераклита — вышел посмертно в незаконченном виде и не содержит почти ничего особенного по сравнению со стандартными филологическими изданиями (все комментарии в нем почерпнуты из более ранних работ Колли). Свирепствующее в настоящее время в США увлечение постмодернизмом также повлекло появление нескольких деконструктивистских интерпретаций Гераклита, но пока ничего серьезного не предложило³⁹.

Все эти работы без исключения являются вторичным (а то и третичным) продуктом и стоят на фундаменте (иногда видоизмененном и перетолкованном) результатов трудов сугубо историко-филологических, т. е. на изданиях текстов Байуотера, Дильса — Кранца, Марковича, Кана и огромной (весьма пестрой и противоречивой) филологической литературе, пытающейся воссоздать на основе этих изданий содержание учения философа. Почти никогда их авторы не берут на себя труд вернуться к источникам и проконтролировать их состав, удостовериться в качестве предложенных им филологами текстов, чтений и толкований. (Некоторым исключением в этом отношении являются лишь издания Боллака — Висманна и Конша, но они охватывают одни лишь фрагменты, полностью пренебрегая доксографией.) А посему историческая их достоверность изначально весьма и весьма проблематична.

Остается только пожалеть философов, которые, как А. В. Ахутин, убедившись в бессмысленности своих попыток откопать самого Гераклита из-под филологических завалов, под которыми он погребен, — интуитивно, путем *умо-зрения* и *раз-мышл-ения*, из своих впечатлений от чтения

Seminar on Heraclitus. University of Alabama Press, 1980. Зато гениально пользовался Гераклитом Виттгенштейн, о Гераклите не писавший. (Читатель легко найдет в приведенной ниже библиографии основные гераклитоведческие работы упомянутых выше и ниже философов.)

³⁹ *Waugh J. B.* Heraclitus: The Postmodern Presocratic? // *Monist*. 74, 1991. P. 605–623; *O'Connell E. A.* Herakleitos and Derrida: Presocratic Deconstruction: diss. University of California. Santa Cruz, 1996. Последняя работа осталась для меня недоступной.

незаконнорожденных плодов еще не заслужившей статуса науки филологии — создают себе собственного Гераклита. И беседуют с ним. Я не решаю здесь вопроса о философской ценности такой беседы. Пусть судят философы. Я даже допускаю, что Ахутину удалось каким-то неведомым мне чудо-чутьем коснуться сути мысли исторического Гераклита. Во всяком случае, он первый известный мне философ, сознательно рискнувший пренебречь филологической псевдоученостью и искать иные способы общения с ним. Все его предшественники либо верили филологии, либо притворялись, что ей верят, либо, на худой конец, сами в нее вносили свою (редко убедительную) лепту. И никто из них не заметил, что король-то — голый! Ахутин же заметил это и сказал. Уже за одно это ему честь и хвала! И сделал он это весьма по-джентльменски: признавая «ученость классической филологии», ее «блеск и могущество» (с. 13), свои к ней «почтение и ужас» (с. 14), он взвалил весь грех на себя: «...оказалось, мне не под силу вести работы в обоих направлениях: и погружаться в филологические разыскания, и продолжать думать о том, например... [пример опускаю. — С. М.] Надо было выбирать. Я выбрал второй путь — путь, именуемый в научных кругах „спекулятивным“, хотя и попытался устлать его текстами на греческом, а кое-где подложить соломку ссылок на исследования филологов» (с. 12).

Увы, здесь, по-моему, нет выбора между двумя путями. Есть два последовательных этапа работы. Сначала надо «узнать, что говорил философ» («Разумеется, без филологии не узнать и того, что философ говорил...»), и только затем можно «вступить с ним в разговор по сути дела» (поскольку «... без философии сказанное может навсегда остаться в прошлом») (с. 12). Стало быть, философии таки нужно «сказанное», а «сказанное» ей поставляет филология. Если поставляемое филологией «сказанное» недоброкачественно, остается лишь засучить рукава и самому заняться филологией. Или довериться какому-то одному филологу, рискуя ошибиться. Или собирать с бору по сосенке, на свой страх и риск...

Но я не рецензию писал на книгу Ахутина, а вершил суд (*само-суд*) над так его подведшей филологией... И потому мне как филологу остается только просить от ее имени прощения и снисхождения у всех философов, которых она подвела и еще долго будет подводить.

Библиография

- Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007.
Axelos K. Héraclite et la philosophie. Paris: Éditions de Minuit, 1962.
Aurobindo Ghosh. Héraclite. Neuchâtel: Delachaux et Niestle, 1951.
Barnes J. The Presocratic Philosophers, I–II. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.
Barnes J. Early Greek Philosophy. Harmondsworth: Penguin Books, 1987.
Bernays J. Neue Bruchstücke des Heraklit // Rheinisches Museum. № 9. 1854.
Bollack J., Wismann H. Héraclite ou la Séparation. Paris: Éditions de Minuit, 1972.

- Bywater I.* Heracliti Ephesii reliquiae. Oxford: Clarendon, 1877.
- Colli G.* La Sapienza greca, III, Eraclito. Milano: Adelfi, 1980.
- Conche M.* Héraclite. Fragments. Paris: PUF, 1986.
- Diels H.* Herakleitos von Ephesos. Berlin: Weidmann, 1901, 1909.
- Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin: Weidmann, 1903, 1906, 1912, 1922.
- Diels H., Kranz W.* [=DK] Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin: Weidmann, 1934, 61951.
- Finkelberg A.* On cosmogony and ecpyrosis in Heraclitus // American Journal of Philology. № 119. 1998.
- Gigante M.* Aristone di Ceo biografo dei filosofici // Studi classici e orientali. № 46. 1996.
- Gladisch A.* Die Religion und die Philosophie in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung und Stellung zu einander. Breslau, 1852.
- Heidegger M.* Vorträge und Aufsätzen, III. Pfullingen: Neske, 1954.
- Heidegger M., Fink E.* Heraklit. Seminar Wintersemester 1966 / 1967. Frankfurt: Klostermann, 1970.
- Hense O.* Ioannis Stobaei Anthologii libri duo posteriores. Vol. I [III]. Berlin: Weidmann, 1894.
- Kahn Ch.* The Art and Thought of Heraclitus. Cambridge UP, 1979.
- Казанский А.* Учение Аристотеля о значении опыта при познании. Одесса, 1891.
- Kirk G. S., Heraclitus.* The Cosmic Fragments. Cambridge UP, 1954, 1962.
- Kirk G. S., Raven J. E.* The Presocratic Philosophers. Cambridge UP. 1957.
- Kojève A.* Essai d'une histoire raisonnée de la philosophie païenne. T. I. Les présocratiques. Paris: Gallimard, 1968.
- Lassalle F.* Die Philosophie Herakleitos des Dunklen von Ephesos, Bd. I–II. Berlin: Duncker, 1858.
- Лебедев А. В.* Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М.: Наука, 1989.
- Marcovich M.* Heraclitus. Editio Maior. Mérida; Sankt Augustin: Los Andes UP; Academia-Verlag, 1967, 2000.
- Marcovich M.* Eraclito. Frammenti. Firenze: Nuova Italia, 1978.
- Miller E.* Origenis Philosophumena siue Omnium haeresium refutatio. Oxonii: E typographeo academico, 1851.
- Mondolfo R., Tarán L.* Eraclito. Testimonianze e imitazioni. Firenze: Nuova Italia, 1972.
- Montaigne M. T. de.* Essais. Livre I. Chapitre 9 «Les menteurs». [1580] (любое издание).
- Муравьев С. Н.* Ипполит цитирует Гераклита // Из истории античной культуры. М.: МГУ. 1976.
- Гераклит // Православная энциклопедия. 11. 2006.
- Mouraviev S. N.* La Vie d'Héraclite de Diogène Laërce // Phronesis. № 32. 1987–1988.
- Comment interpréter Héraclite. Vers une méthodologie scientifique des études héracлитéennes // Ionian Philosophy, Athens, Intern. Association for Greek Philosophy. 1989.
- Comprendre Héraclite // Âge de la science, 3. La philosophie et son histoire (развернутая рецензия двух изданий Гераклита: Bollack–Wismann и Conche [см. выше]). 1990.
- Hippolyte cite Héraclite // diplôme de l'EPHE, Paris (inédit). 1991.
- Hippolyte–Héraclite–Noët // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. II / 36 / 6. 1992. S. 4375–4402.
- Heraclitea. Edition critique complète des témoignages sur la vie et l'œuvre d'Héraclite d'Ephèse et des vestiges de son livre. Sankt-Augustin: Academia-Verlag, 1999–2008.

- Vol. II. A. 1–4. Traditio. Témoignages et citations. (1999, 2000, 2002, 2003).
- Vol. III. 3. A. Fragmenta. Le langage de l'Obscur. 2002.
- Vol. III. 1. Memoria. Textes et commentaire. 2003.
- Vol. III. 3. B/i–iii. Fragmenta. Les textes pertinents. 2006.
- Vol. III. 2. Placita. Thèses et doctrines. 2008.
- Doctrinalia Heraclitea I–II // Phronesis. № 53. 2008.
- Doctrinalia Heraclitea III // Revue de philosophie ancienne. № 26. 2008.
- Mullach F. G. A.* Fragmenta philosophorum graecorum, I, Poeseos philosophicae. Parisiis: Didot, 1860.
- O'Brien D.* Heraclitus on the unity of opposites // Ionian Philosophy. Athens, Intern. Association for Greek Philosophy. 1989.
- O'Brien D.* Héraclite et l'unité des opposés // Revue de Métaphysique et de Morale. № 95. 1990.
- O'Brien D.* Comment écrire l'histoire de la philosophie // Rue Descartes. № 1–2. 1991.
- O'Connell E. A.* Herakleitos and Derrida: Presocratic Deconstruction. Diss. University of California. Santa Cruz, 1996.
- Pfleiderer E.* Die Philosophie des Heraklit von Ephesus im Lichte der Mysterienidee. Berlin: Reimer, 1886.
- Popper K. R.* The Open Society and its Enemies, I. London: Routledge, 1945.
- Popper K. R.* Back to the Presocratics // Proceedings of the Aristotelian Society. № 59. 1958–1959.
- Reinhardt K.* Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie. Fr. a. M.: Klostermann, 1916.
- Reynolds L. D., Wilson N. G.* Scribes and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford UP. 1968.
- Sallis J., Maly K.* Heraclitean Fragments, A Companion Volume to the Heidegger/Fink Seminar on Heraclitus. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1980.
- Sider D.* The Fragments of Anaxagoras. 2nd ed. Sankt Augustin: Academia-Verlag, 2005.
- Schleiermacher F.* Heraklit der Dunkle von Ephesos // Museum der Altertums-wissenschaft. № 1. 1808.
- Schuster P.* Heraklit von Ephesus // Acta Societatis philologiae Lipsiensis. № 3. 1873.
- Teichmüller G.* Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, I–II. Gotha: Perthes, 1876–1878.
- Torraca L.* Sull'autenticità del De motu anim. di Aristotele // Maia. № 10. 1958.
- Vlastos G.* Review of Kirk (1954) // American Journal of Philology. № 76. 1955.
- Waugh J. B.* Heraclitus: The Postmodern Presocratic? // Monist. № 74. 1991.
- Wilcox J.* The Origins of Epistemology. A Study of Psyche and Logos in Heraclitus. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1994.
- Жмудь Л. Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994.
- Zeller E.* Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. 1-4I; 5-6I /²,²Tübingen; ³⁻⁶Leipzig; ¹⁻⁴Fues; ⁵⁻⁶Reisland, ²1856, ³1869, ⁴1876, ⁵1892, ⁶1920.